

Наука как способ познания, ориентированный на преобразование природы, общества и самого человека, является сложным, внутренне противоречивым феноменом, что неизбежно порождает ее диаметрально противоположные моральные оценки.

Литература

1. Аргонов, В.Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или новый стимул развития / В. Ю. Аргонов // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 22-37.
2. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Лаудан, Л. Наука и ценности // Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук : хрестоматия / отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 504-511.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: Сб. / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – М., 2002. – С. 15-182.
5. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М., 2002. – 144 с.

УДК 29

НОВАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ДВИЖЕНИЕ К КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОМУ ТРАНСИНКРЕТИЗМУ

Л.М. Можейко

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме определения культурной значимости новой религиозности. Прослеживается эволюция в исследованиях западных учёных, соотносящих новые религиозные движения с модернистскими и постмодернистскими тенденциями в обществе.

The article is devoted to the problems of determining of cultural significance new religiousness. Is tracked evolution in researches of west scientists relating new religious movements with modernists and post-modernists tendencies in societies.

К концу XX в. неотъемлемым феноменом духовной жизни современного общества стали новые религиозные движения (НРД). В связи с этим перед исследователями закономерно возникает вопрос: рост НРД говорит о характере изменения и роли религии в нашем обществе или изменении в характере культуры в целом? Американские учёные практически с самого начала исследования феномена новой религиозности, выявляя причины возникновения данного явления, соотносили его с модернистскими, анти-модернистскими либо постмодернистскими тенденциями в обществе. В итоге сформировалось несколько точек зрения по данному вопросу. В 1980-х гг. наиболее влия-

тельными были две позиции, представленные в работах П. Бергера и Б. Вилсона, с одной стороны, и Р. Старка и В. Бэйнбриджа – с другой. Американские учёные рассматривают феномен новой религиозности в контексте секуляризации.

По мнению П. Бергера и Б. Вилсона, с появлением новых рыночных отношений религия должна адаптироваться, по крайней мере, к двум явлениям: приватизации и плюрализму. В религиозной сфере последствия данного факта следующие: религия становится «делом индивидуального вкуса», субъективного предпочтения. В этих условиях главной целью религиозных институтов становится привлечение как можно большего количества людей в свою организацию. Свою «продукцию» религия теперь вынуждена «выставлять на продажу». Для того чтобы занять лидирующее положение на рынке, религиозные учреждения «отделяют» продукт, пользующийся спросом у потребителя, по его меркам [1, с. 133–138]. В этих условиях религиозные «продукты» становятся жертвами стандартизации, а религиозные организации – всё более бюрократическими. Это значит, что разногласия в сущности уменьшаются, а в типе и подходе увеличиваются. Учёные-аналитики видят два выхода из создавшегося положения. Первый состоит в приспособлении к существующей ситуации, т.е. в принятии участия в игре свободного религиозного предпринимательства. Второй – в отказе от приспособления через уход на периферию социально-религиозных структур, при этом, сохранившись или перестроившись, но в любом случае – продолжая выражать прежние идеалы и следовать прежним целям в максимально возможной форме [2].

Р. Старк и В. Бэйнбридж полагают, что секуляризация не является уникальным явлением современности, а – постоянно встречающийся компонент всей «религиозной экономики» [3, с. 170]. Должным образом понятая секуляризация приводит к периодическому краху доминирующего положения религиозных организаций и, как следствие, к превращению их в более мирские. Для «окостеневших» религий имеется два возможных социально-религиозных выбора: возрождение (секты) или обновление (культы). НРД, по мнению исследователей, возрождают религиозные традиции, но не в строгом смысле: более точно явление НРД определяется как адаптация религии к новым социальным условиям. Представители этих движений используют мирские методы рекламы, мобилизации сторонников, даже их доктринальное содержание, религиозный символизм, богослужение приобретает прагматическую ориентацию. В итоге, НРД оказываются более близкими к типу мирского предприятия, чем религиозного.

Кратко суммировав вышеизложенное, можно выявить следую-

щее. По мнению П. Бергера и Б. Вилсона, новые религиозные движения – это «остаток» религии, трансформировавшийся и адаптировавшийся к более скромному существованию в секулярном контексте. Учёные усматривают в сущности этих движений, в их фундаментальных моральных принципах и ритуалах компоненты секулярного общества, которые не только не опровергаются, а развиваются и усиливаются. В итоге НРД стали бюрократическими рутинными организациями, в сущности, не отличимыми от тех, которым они себя первоначально противопоставляли. Р. Старк и В. Бэйнбридж, напротив, считают, что новая религиозность – это новый этап развития религии, в некоторых случаях содержащий потенциал к истинному возрождению религии. Основанием для подобного возрождения может стать явный элемент культурной преемственности между новой религиозностью и доминирующей культурой, т.к. НРД прежде всего отстаивают рациональную культуру от имени ценностей, являющихся законными и уважаемыми в современном обществе.

Как видно, отношение к проблеме взаимоотношения новой религиозности и секулярности неоднозначное. А. Парсонс выдвигает следующее предположение: если согласиться с оценкой НРД как отклонения «из» или «от» обычного мирского общества, то в этом случае неизбежно возникает противоречие с утверждением, что сила НРД порождена культурной и социальной тканью современного общества. Это даёт право учёному утверждать, что процессы согласованности и отклонения неразрывно связаны: большинство НРД соответствуют типу господствующего общества и одновременно отклоняются от него. По его мнению, отношение между новой религиозностью и секуляризмом гораздо более диалектические и органические, нежели дуалистические и механистические, как это предположили Р. Старк и В. Бэйнбридж [4].

Большим вкладом в разработку проблемы секуляризации явилась книга одного из крупнейших философов религии современности Р. Паникара «Поклонение и секулярный человек» [5]. Исследователь пишет о том, что в недавнем прошлом настаивали на следующем варианте социальной динамики: от устойчивой исторической эволюции, сосредоточенной на религиозной форме жизни, к сосредоточенной на секулярном, особенно научном знании и человеческой самореализации. В итоге исследования социологов недавнего прошлого застыли в виде твёрдой доктрины – так называемого «тезиса секуляризма». Этот тезис включает эволюционный прогресс общества от целостной традиционной формы жизни, пропитанной религией, к постоянному увеличению социальных функций, ведущих к маргинализации и даже устареванию религии. Р. Паникар же в своём исследовании выдвинул

предположение, что именно сегодняшнее взаимопроникновение мирских и священных аспектов реальности может привести к гармоничному сосуществованию божественного, человеческого и природного.

Сегодня интеллектуальный ландшафт изменился, многие социологи, частично в ответ на подъём НРД, начали оспаривать традиционный «тезис секуляризации», в результате чего появился новый «преобразованный тезис». В своих работах Р. Белл, Ф. Хамонд, Х. Кокс пишут о том, что религия в современном мире не столько исчезла, сколько адаптировалась к требованиям постиндустриального общества. В результате этих и других исследований секуляризация больше не наделяется статусом устойчивой доктрины.

Одним из немногих современных исследователей, соотносящих концепцию постмодернизма с новой религиозностью, является Джеймс Бекфорд. В одной из его работ [6] отправной точкой исследования является констатация того, что в конце XX в. наблюдается одновременный рост контрастных типов вероисповедания: с одной стороны – христианских церквей и еврейских групп с жёсткими и очень консервативными взглядами, с другой – относительно новых форм либеральной и толерантной духовности как внутри, так и вне религиозных организаций. Последние Бекфорд определяет как «холистическую духовность», указывая три её основные характеристики. Во-первых, новая духовность прокладывает путь к холистической перспективе, в которой подчёркивается связь между личным и общественным, физическим и психическим, национальным и международным. Во-вторых, вера в то, что принятие холистической перспективы может обеспечить доступ или освобождение новых источников энергии (силы). Освобождённая сила будет использоваться для осуществления духовно освящённых программ практического применения – улучшение здоровья, окружающей природной среды, прав человека и т.д. В-третьих, эта новая духовность совместима с широким кругом специфических идеологий и практик [6, с. 17].

Бекфорд признаёт, что новая духовность активно практикуется очень небольшой частью населения и она несоизмерима с традиционными концепциями религиозных организаций. Однако её влияние можно обнаружить в современной жизни повсюду – в новых способах мышления о медицине, спорте, досуге, образовании, экологии и т.д. По мнению учёного, это даёт основание говорить о холистическом сдвиге в обществе к своего рода «трансцендентному гуманизму». Является ли это чем-то подобным на то, что Дюркгейм назвал «культом человека», Трёльч – «спиритическими и мистическими религиями», а Стоун – «новым религиозным сознанием»? Бекфорд говорит, что он предпочи-

тает изучать развитие форм новой духовности и пространство, в котором она имеет влияние, не беспокоясь по поводу определения [6, с. 18].

По мнению Л. Доусона [7], исследования Бекфорда, конечно же, продвигают нас дальше в проблеме определения культурной значимости НРД, отмечая при этом, что данная проблема не может быть окончательного решена. Однако Доусон полагает, что следует воздержаться от определения НРД с анти-модернистских позиций, т.к. в каждом из них можно найти сочетание традиционных и современных элементов, религиозных и светских целей и средств, консервативных и либеральных импульсов. В рамках же модернизма данные контрастные элементы объясняют бифуркацию НРД в более традиционалистские и экспериментаторские лагеря.

Сегодня пока слишком рано пытаться распознать, какую форму примет религия в будущем. Однако мы можем констатировать, что вера человека XXI в. естественным путём уходит от национальной окрашенности, ментальной предопределённости, в ней органично сосуществуют восточная медитативность и западный рационализм. Для такого человека, мистически погруженного в мир трансцендентной реальности, перестают существовать различия, столь характерные для традиционных религий, в том числе различия в именах Бога, в верованиях и в культовых практиках. В итоге человечество, возможно, придёт к осознанию того, что Бог один (и един). Это может являться основой для позитивного диалога культур, установления механизмов налаживания устойчивых взаимодействий между цивилизациями и, в перспективе, объединения Востока и Запада на основе нового культурно-религиозного трансинкретизма.

Литература

1. Berger, P. *The Sacred Canopy: Elements of a sociological theory of religion* / P. Berger. – New York: Doubleday, 1967.
2. Wilson, B. *Secularizations: Religion in the modern world* / B. Wilson // *The world's religion* / ed. by S. Sutherland et al. – London: Routledge, 1988. – P. 953–966.
3. Stark, R. *The future of religion: Secularization, revival and cult formation* / R. Stark, W. Bainbridge. – Berkeley, CA: University of California Press, 1985.
4. Parsons, A. *The secular contribution to religious innovation: A case study of the Unification Church* / A. Parsons // *Sociological Analysis*. – 1989. – Vol. 50. – P. 209–236.
5. Panikkar, R. *Worship and Secular Man* / R. Panikkar. – Maryknoll, NY: Orbis Books, 1973.
6. Backford, J. *Religion, modernity and post-modernity* / J. Backford // *Religion: Contemporary issues* / ed. by B. Wilson. – London: Bellew Pub, 1992. – P. 11–23.
7. Dawson, L. *The Cultural Significance of New Religious Movements and Globalization: A Theoretical Prolegomenon* / L. Dawson // *Journal Scientific Study of Religion*. – Dec. 1998. – Vol. 37, Issue 4. – P. 580–596.